ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ

БОРЯ ЦАРИКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пионеры-герои — советские пионеры, совершившие подвиги в годы становления Советской власти, коллективизации, Великой Отечественной войны. Официальный список «пионеров-героев» был оформлен в 1954 году с составлением Книги почета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина.

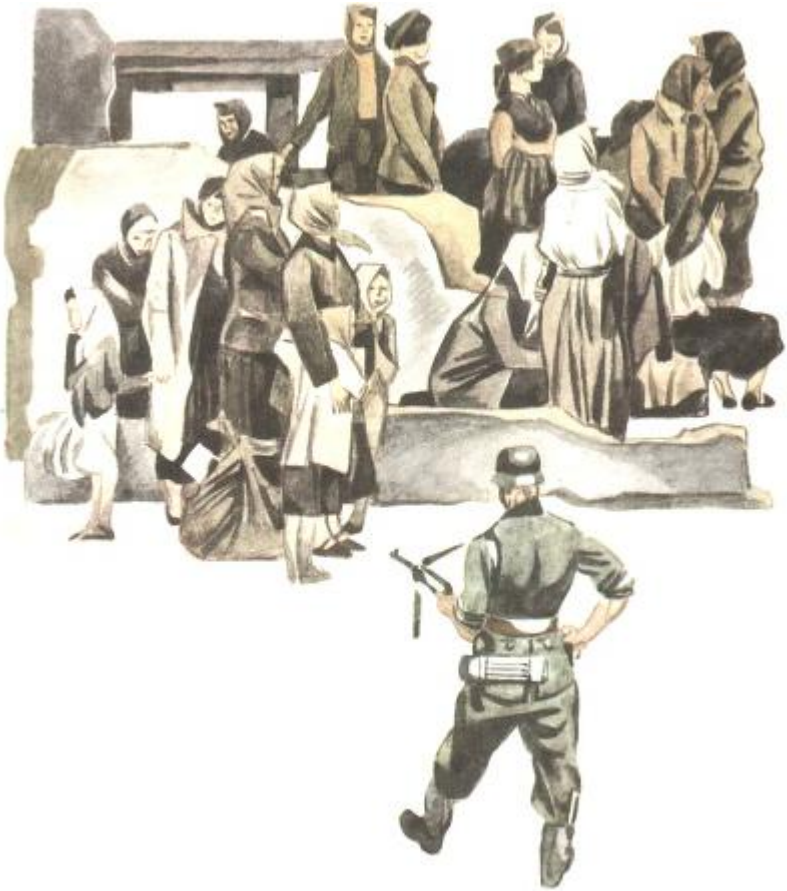
Художественно-документальный рассказ.

Художник В. Юдин.

http://ruslit.traumlibrary.net

- Лиханов Альберт Анатольевич
  -
  - Боря Цариков

Лиханов Альберт Анатольевич
Боря Цариков

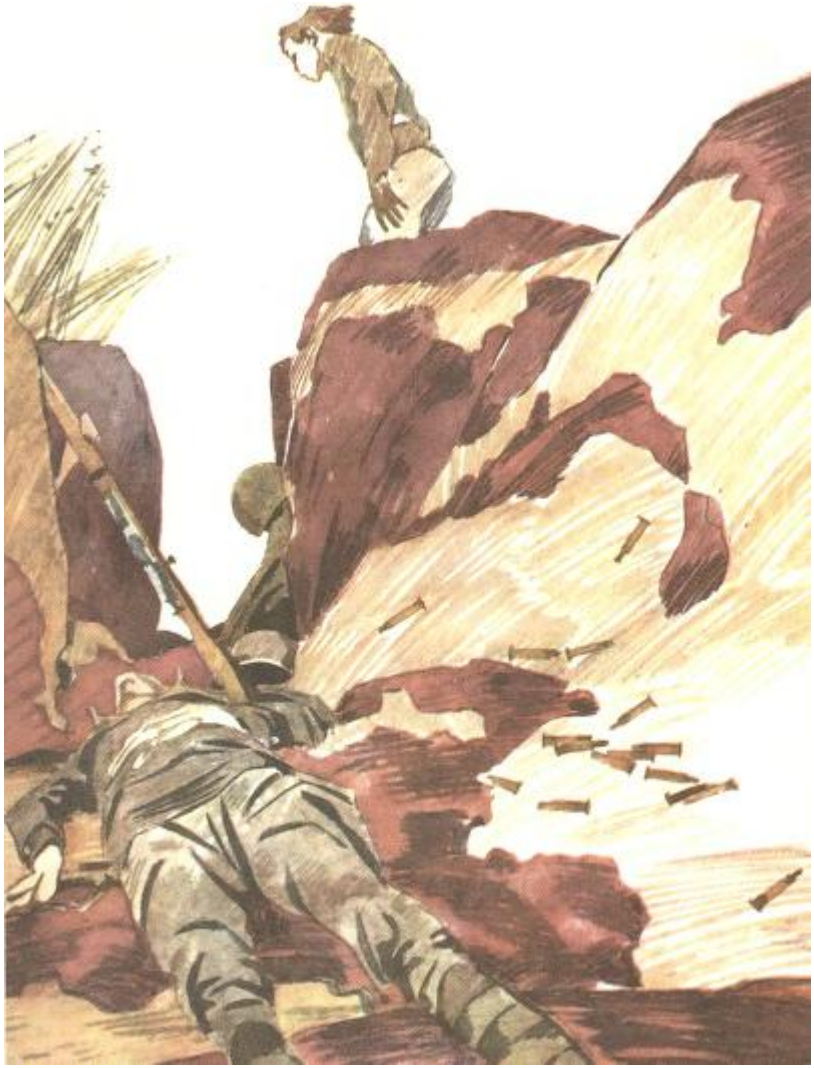


А. ЛИХАНОВ

БОРЯ ЦАРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · МОСКВА · 1980

Боря Цариков



Метель кружила в городе, метель. Палило с неба солнце, и небо было спокойным и ясным, а над землёй, над зелёной травой, над синей водой, над искристыми ручьями кружила весёлая тополиная метель.

И сквозь всё это бежал Борька и гнал колесо, железный ржавый обруч. Колесо журчало… И всё вокруг кружилось: и небо, и тополя, и тополиный снег, и обруч. И было так вокруг хорошо, и всё смеялось, и были лёгкими Борькины ноги…

Только всё это было тогда… Не теперь…

А теперь.

Борька бежит по улице, а ноги у него будто свинцом налиты, и дышать нечем — глотает горячий горький воздух и бежит, будто слепой, — наугад. А на улице — метель, как тогда. И солнце жарит, как раньше. Только в небе — дымы столбами, и заливает уши тяжкими громами, и замирает на миг всё. Даже метель, даже пушистые белые хлопья враз повисают в небе. Что-то дзенькает в воздухе, словно лопается стекло.

«Где это обруч-то, — будто сквозь сон думает Борька… — Обруч-то где?..»

И всё вокруг расплывается враз, мутнеет, отдаляется как бы. И уж совсем нечем дышать Борьке.

— Обруч-то… — шепчет он, а перед лицом его — солдат в гимнастёрке, красной у плеча, простоволосый, с чёрным лицом. Это ему и ещё другим солдатам, что обороняли город, приносил Борька воду, хлеб. И все говорили ему спасибо. И Борька даже подружился с солдатами. А теперь…

— Уходите?.. — спрашивает Борька.

— Борька, — говорит солдат, — Борька Цариков, — и опускает голову, словно в чём виноват перед Борькой. — Прости, Борька, но мы ещё вернёмся!..

* * *

Немцы появились в городе неожиданно.

Сначала, осторожно ворочая пушками из стороны в сторону, будто принюхиваясь, прошли танки, потом прикатили огромные грузовики, и город сразу стал чужим… Немцы были всюду: толкались полуголые у колонок, шастали по домам и выходили оттуда, будто спекулянты рыночные, с узлами всякого барахла, и вслед им тоскливо смотрели белёсыми глазами бабки и крестились на восток.

К Цариковым немцы не зашли. Да и что с того. Мама уехала с братом в Саратов. А он, Борька, уходит с отцом в лес, в партизаны. Только отец раньше. Сначала он, Борька, должен зайти к деду. Так договорились с отцом. Борька пошёл к двери и вышел на улицу.

Он перебегал от дома к дому, прячась за углами, чтобы его не увидели немцы. Но они занимались своими делами, и никто не смотрел на Борьку. Тогда он пошёл прямо по улице, сунув для независимости руки в карманы. А сердце билось тревожно. Он шёл через весь Гомель, и его не останавливал никто.

Он вышел на окраину. Вместо домов торчали печные трубы, как кресты на могилах. За трубами, в поле, начинались траншеи. Борька пошёл к ним, и снова никто не окликнул его.

Чадили головешки на многих пожарах, колыхалась трава, уцелевшая кое-где.

Озираясь по сторонам, Борька прыгнул в траншею. И разом всё в нём застыло, будто остановилось даже сердце. На дне траншеи, неудобно раскинув руки, лежал среди пустых гильз тот солдат с чёрным лицом.

Солдат лежал спокойно, и лицо у него было спокойным.

Рядом, аккуратно прислонённая к стенке, стояла винтовка, и казалось, что солдат спит. Вот полежит немного и встанет, возьмёт свою винтовку и снова станет стрелять.

Борька смотрел на солдата, смотрел пристально, запоминая его, потом повернулся наконец, чтобы идти дальше, и рядом увидел ещё одного убитого. И дальше, и дальше вдоль траншеи лежали люди, недавно, совсем ещё недавно живые.

Вздрагивая всем телом, не разбирая дороги, Борька пошёл обратно. Всё плыло перед глазами, он глядел лишь себе под ноги, голова гудела, звенело-в ушах, и он не сразу услышал, что кто-то кричит. Тогда он поднял голову и увидел перед собой немца.

Немец улыбался ему. Он был в мундире с закатанными рукавами, и на одной руке у него — от запястья до самого локтя — часы. Часы…

Немец сказал что-то, и Борька не понял ничего. А немец всё лопотал и лопотал. А Борька, не отрываясь, смотрел на его руку, на его волосатую руку, увешанную часами.

Наконец немец повернулся, пропуская Борьку, и Борька, озираясь на него, пошёл дальше, а немец всё смеялся, а потом поднял автомат — и за Борькой, всего в нескольких шагах брызнули пыльные фонтанчики.

Борька побежал, немец захохотал вслед, и тут только, одновременно с автоматными выстрелами, Борька понял, что эти часы немец снял с наших. С убитых.

Странное дело — дрожь перестала бить его, и, хотя он бежал, а немец улюлюкал ему вслед, Борька понял, что он больше не боится.

Будто что-то перевернулось в нём. Он не помнил, как очутился опять в городе, около школы. Вот она — школа, но уже это не школа — немецкая казарма. В Борькином классе, на подоконнике, солдатские подштанники сушатся. Рядом немец сидит, блаженствует — пилотку на нос надвинул, в губную гармошку дует.

Прикрыл глаза Борька. Почудился ему шум многоголосый, смех переливчатый. Знакомый смех. Не Надюшки ли со второй парты? Почудился звон ему редкий, медный. Будто Ивановна, уборщица, на крылечке стоит, на урок зовёт.

Открыл глаза — снова немец пиликает, немцы по школе расхаживают, будто всю жизнь они в Борькиных классах живут. А ведь где-то вон там, на кирпичной стенке, ножичком имя его процарапано: «Борька!». Вот только надпись и осталась от школы.

Поглядел Борька на школу, поглядел, как ходят в ней гады эти проклятые, и сердце сжалось тревожно…

Улицы, как малые речки, вливались одна в другую, становясь всё шире. Борька бежал вместе с ними и вдруг споткнулся будто… Впереди, посреди развалин, стояли оборванные женщины, дети — много-много. Вокруг хороводом сидели овчарки с прижатыми ушами. Между ними с автоматами наперевес, с загнутыми рукавами, как на жаркой работе, прохаживались солдаты, пожёвывая сигареты.

А женщины, беззащитные женщины, толпились беспорядочно, и оттуда, из толпы, слышались стоны. Потом вдруг что-то затарахтело, из-за развалин выехали грузовики, много грузовиков, и овчарки поднялись, оскалив клыки: зашевелились и немцы, подгоняя женщин и детей прикладами.

Среди этой толпы Борька увидел Надюшку со второй парты, и Надюшкину маму, и уборщицу из школы, Ивановну.

«Что делать? Как им помочь?»

Борька наклонился к мостовой, схватил тяжёлый булыжник и, не отдавая себе отчёта, что он делает, бросился вперёд.

Он не видел, как обернулась в его сторону овчарка и солдат щёлкнул у неё замком на ошейнике.

Собака пошла, не побежала, а пошла на Борьку, уверенная в лёгкой победе, и немец отвернулся тоже без всякого интереса к тому, что произойдёт там, у него за спиной. А Борька бежал и не видел ничего.

Но собаку увидели мама Надюшки и Ивановна. Они закричали: «Собака! Соба-ка!»

Они закричали так, что на площади даже стало тихо, и Борька повернулся, увидел овчарку. Он побежал. Побежала и собака, раззадоривая себя.

Борька помчался быстрее её, завернул за угол, и в тот момент, когда завернула за ним и овчарка, хозяин её, обернувшись, засмеялся. Женщины закричали снова. И крик их будто подхлестнул Борьку. Сжавшись, как пружина, он распрямился и взлетел на груду кирпича и мусора. Сразу обернувшись, он увидел овчарку.

И крик женщин, и собачья морда с оскаленными зубами будто наполнили Борьку страшной силой. Глянув ещё раз отчаянно в глаза собаки, собравшейся прыгнуть, Борька схватил ржавый лом и, коротко размахнувшись, выставил лом навстречу

собаке. Овчарка прыгнула, глухо ударилась о кирпичи и замолкла.

Борька спрыгнул вниз и, оборачиваясь на мёртвую овчарку, на первого убитого им врага, побежал снова к окраине, за которой начинался редкий кустарник. Его пересекала дорога в деревню, где жил дед…

* * *

Они шли лесной тропой, и ноги их утопали в тумане. Как из-за занавеса, выступила кузня. Дед отомкнул дверь, шагнул вперёд, остановился, словно раздумывая, потом глянул по сторонам: на холодный горн, на чёрные стены.

Они развели огонь, и он замельтешил, весело переплетаясь в красные косицы. Железо калилось в нём, становилось белым и гнучим.

Дед глядел в огонь задумавшись.

Они и раньше ковали, дед и внук. Прошлым летом Борька с Тоником, братаном, всё лето в деревне жил, поднаторел в дедовом ремесле, любил его, и дед радовался тому, хвастал, бывало, соседям, что растёт ему взамен добрый коваль, фамильный мастер.

Молоты стучали, железо послушно гнулось.

И вдруг дед молот остановил, сказал, кивнув на гаснущий металл:

— Вишь… Вишь, она, сила-то, и железо гнёт…

Борька стучал молотком в гнущееся железо, думал над дедовыми словами и вспоминал всё, что нельзя, было забыть. Женщин и детей, угоняемых неизвестно куда на машинах с крестами… Волосатого немца с часами до локтя и розовый, со слюной, оскал овчарки…

Облокотясь о колено, смотрел дед в горн, в утихающий огонь.

— Нет, ты не слухай меня, старого. Потому как сила силе рознь, и не набрать немцам на нас никакой силы…

Вдруг они обернулись на ярко вспыхнувший свет неожиданно распахнутой двери и увидели немца с автоматом на груди. Лицо у немца было розовым, и голубые глаза улыбались. Шагнул фриц через порог, сказал что-то деду по-своему.

Дед пожал плечами.

Снова повторил румяный немец свои слова, на лай похожие. Дед головой мотнул.

Посмотрел на деда немец прозрачными глазами… И вдруг автоматом повёл — и брызнуло из ствола пламя.

Увидел Борька, как не на немца, нет, на него, Борьку, посмотрел в последний раз дед, медленно оседая, роняя из рук малый молоток — серебряный голос.

Осел дед, упал навзничь. Обернулся Борька. Немец стоял в дверном проёме, улыбался приветливо, потом повернулся, сделал шаг…

Мгновенья не было. Меньше. Оказался возле немца Борька и услышал сам густой стук молота о каску. Ткнул немца в кузнечный пол румяным лицом, улыбкой. Рванул из побелевших рук автомат. И услышал, как зовут немца:

— Шнель, Ганс!.. Шнель!..

Борька выскочил из кузни, наспех нахлобучив шубейку, глянув в последний раз деду в лицо. Дед лежал спокойный, словно спал… По тропинке к кузне шёл другой немец.

Борька поднял автомат, навёл на немца, нажал крючок — и ткнулся в снег немец, торопивший Ганса.

* * *

Борька шёл целый день, выбиваясь из сил, и ночевал в чёрной холодной бане на задах какой-то тихой деревни. Едва забрезжило, он пошёл снова, всё дальше и дальше уходя в глубину леса, пытаясь найти партизанский отряд «бати». Вторую ночь он провёл в ельнике, трясся от мороза, но всё-таки выдюжил и утром опять пошёл и снова шёл целый день, а когда уже совсем выбился из сил, когда поплыли от голода оранжевые круги перед глазами, сзади скрипнул снег…

Борька резко обернулся, перехватывая поудобнее автомат, и тут же сел, слабея, в снег: на него смотрел молодой парень с карабином в руках и с красной полоской на ушанке.

Очнулся Борька в землянке. На него удивлённо глядели незнакомые люди…

* * *

Командир был строг и громко выспрашивал у Борьки всё придирчиво. Когда Борька рассказал обо всём, «батя» сел на круглую чурбашку, заменявшую стол, и заворошил руками волосы, уставившись в пол. И так сидел молча, будто забыл про Борьку. Борька кашлянул в кулак, переминаясь с ноги на ногу, «батя» взглянул на него пристально и сказал парню, который привёл Борьку:

— Поставьте на довольствие. Возьмите к себе, в разведгруппу. Ну, а оружие… — он подошёл к Борьке и ткнул тихонько в бок. — Оружие он, как настоящий солдат, с собой принёс…

Серёжа, тот самый парень, который нашёл его в лесу, тащил на спине к партизанам, а потом стоял рядом с ним перед «батей», теперь стал Борькиным командиром, начал учить его военному делу.

* * *

Борька шёл в деревню, в незнакомую деревню, к незнакомому человеку, и этот человек должен был по одному лишь паролю проводить Борьку на станцию, к какой-то женщине. Женщина эта приходилась тому человеку не то кумой, не то тёщей. Она ни о чём не должна была знать, она должна была просто кормить его и поить и говорить, если спросят, что Борька — сын того человека, который доводился ей зятем и к которому шёл Борька.

Три дня давалось Борьке, но и на четвёртый ждал бы его Серёжа, и на пятый, и даже через десять дней — его бы ждали, потому что с первого раза доверили серьёзное задание.

Всё шло как по-писаному. Ночь Борька проворочался на палатях у незнакомого человека, который впустил его сразу же, как Борька сказал пароль. А утром они были уже на станции…

«Тёща» поначалу косилась на Борьку. Она велела ему приходить в дом незаметно, чтобы соседи не видели. Но жила «тёща» на отшибе, от соседей далеко, и всё было нормально.

Три дня Борька крутился на станции, стараясь не попасть на глаза немецкой охране, норовя проникнуть к тупикам.

Но тупики сильно охранялись, даже близко нельзя было подойти, и Борька мучался, волнуясь, что у него ничего не выходит.

Время для выполнения задания истекло, к исходу третьего дня Борька ничего не узнал. «Тёща», чувствуя неладное, волновалась тоже, сухо разговаривая с Борькой.

Чтобы хоть как-нибудь ей угодить, Борька, когда она собралась за водой, пошёл с ней. Колонки на станции

перемёрзли, работала лишь одна, и за водой пришлось идти чуть ли не через всю станцию.

Они шли обратно уже не спеша, часто останавливаясь, передыхая, с полными вёдрами, когда их нагнал какой-то старик.

— Ох, Михалыч! — закудахтала «тёща». — Никак работаешь?

— Не говори, соседка! — крикнул старик. — Заставили, ироды! Кочегар убёг…

Борька насторожился.

— Ну да ладно! — крикнул старик. — Ладно, в ездки не гонят, всё тут, в маневровых…

— Дядя! — сказал Борька старику. — Я свободный, хочешь, завтра подсоблю.

«Тёща» испуганно глянула на Борьку, но, спохватившись, заговорила бойко и ласково:

— Возьми, возьми, Михалыч! Внучек-то, вишь, какой отмахал, а на паровозе не езживал.

На следующий день рано утром она проводила Борьку к старику, и весь день Борька, скинув пальто, махал лопатой, швыряя уголь в красную глотку топки. Пот полз в глаза, ныла спина, но Борька улыбался. За день паровозик не раз сбегал к тупикам. Все они были забиты вагонами. Тяжёлыми вагонами, потому что, подцепив хотя бы один, старенький паровозик, прежде чем тронуться, долго пыхтел, крутил колёсами на месте, надсаживался, и Борьке приходилось побыстрей шевелить лопатой. А это значило очень много. Это значило, что на станции, в тупике, вагоны с боеприпасами. Склады на колёсах…

* * *

Борька волновался весь вечер, ждал, что вот-вот хлопнет дверь и войдёт «отец», чтобы отвести его обратно, поближе к лесу.

К вечеру Борька засобирался.

«Тёща» испуганно взглянула на него, захлопнула щеколду и заслонила собой дверь.

— Нет, — сказала она. — Одного не отпущу.

Ночью, когда «тёща» уснула, Борька быстро оделся и исчез, тихо открыв дверь.

Он хотел сперва идти прямо в лес к назначенному месту, но в доме родственника «тёщи» горел свет, и он постучал в окно.

За дверью зашевелились, щёлкнул засов. Борька шагнул вперёд, улыбаясь, — и яркий сноп рассыпался перед глазами.

Он словно провалился куда-то, всё исчезло перед ним.

Борька пришёл в себя от нового удара. Перед ним почти вплотную белели тонкие губы полицая. И снова всё застлал красный туман…

* * *

Снег искрился на солнце, слепил белыми брызгами, и небо было синее-синее, как васильковое поле. Вдали что-то грохнуло, и Борька удивлённо посмотрел в небо: фронт ещё далеко, а зимой грозы не бывает. И вдруг всем своим существом ощутил, понял — сразу вдруг понял, что и солнце, и белые эти брызги, и небо синее-синее он видит в последний раз.

Мысль эта пронзила его и потрясла. В ту же минуту снова ударил гром, и Борька снова посмотрел в небо.

В небе, совсем низко над землёй, на бреющем полёте шли наши штурмовики. Целое звено. И на крыльях у них сверкали звёзды.

Он очнулся, когда кто-то сильно толкнул его.

Борька обернулся: «Отец»?!

— Беги!

На дороге они стояли только двое. Немцы и полицаи, отбежав от дороги, сунулись в сугробы, спасаясь от самолётов.

— Беги!

Ревели над головой штурмовики, и с этим рёвом слились автоматные очереди.

Не слышал Борька, как свистели пули рядом с ним, как орали немцы и полицаи, как крикнул в последний раз человек, которого он звал «отцом».

* * *

Новое задание было особое. Как сказал им сам «батя», надо перерезать, словно ножницами, важную дорогу, остановить движение поездов. А удастся, заодно и эшелон взорвать.

Разведчики долго выбирали место, то приближаясь, то уходя в сторону от дороги.

Серёжа был мрачен и гнал отряд без перекуров. По рельсам то и дело сновали дрезины с пулемётными установками и время от времени строчили длинными очередями по лесу. Через каждые полкилометра стояли часовые, их часто меняли, и не было никакой возможности подобраться к дороге. Поэтому Серёжа всё гнал и гнал отряд, злясь на немцев.

— Борька, — сказал он неожиданно, — не возвращаться же так… На тебя вся надежда.

* * *

Когда стемнело, разведчики подошли поближе к дороге и залегли, чтобы прикрыть Борьку, если что. А Серёжа обнял его и, прежде чем отпустить, долго смотрел в глаза.

Борька полз ящерицей, маленький и лёгкий, почти не оставляя за собой следа. Перед насыпью остановился, примеряясь. «Ползком на неё не взобраться — слишком крутая». Он выждал, коченея, сжимая взрывчатку и нож, пока пролетит наверху дрезина, пока пройдёт часовой, и бегом кинулся вперёд к рельсам.

Озираясь по сторонам, он мгновенно раскопал снег. Но дальше шла мёрзлая земля, и, хотя нож был Серёжкин острый, как шило, мерзлота, словно каменная, поддавалась еле-еле.

Тогда Борька положил взрывчатку и стал копать обеими руками.

Теперь надо всю землю до крошки спрятать под снег, но и лишнего не насыпать, чтобы не было горки, чтоб не увидел её часовой, посветив фонариком. И утрамбовать как следует.

Дрезина была уже далеко, когда Борька осторожно сполз с насыпи, засыпая снегом шнур. Дрезина прошла, когда он был уже внизу, но Борька решил не торопиться, подождать часового. Скоро прошёл и немец, прошёл, ничего не заметив, и Борька пополз к лесу.

На опушке его подхватили сильные руки, приняли конец шнура, молча хлопнул по спине Серёжа: мол, молодец.

Где-то вдали раздался неясный шум, потом он усилился, и Серёжа положил руку на замыкатель. Потом промчалась дрезина, тарахтя из пулемётов по макушкам елей, стремительно пронеслась, будто удирала от кого-то. А через несколько минут вдали показался прямой столб дыма, превращающийся в чёрную неподвижную полосу, а потом и сам поезд. Он шёл на полной скорости, и ещё издали Борька разглядел на платформах

множество танков.

Он сжался весь, приготовясь к главному, сжались и все разведчики, и в ту минуту, когда паровоз поравнялся с часовым, Серёжа резко шевельнулся.

Борька увидел, как взлетела маленькая фигурка часового, как паровоз вдруг подпрыгнул и залился малиновым светом, как накренился, плавно уходя под насыпь, и за ним послушно пошёл весь эшелон. Платформы складывались гармошкой, грохотало и скрипело железо, расцветая белыми огнями, дико кричали солдаты.

— Отходим! — весело крикнул Серёжа, и они побежали в глубь леса, оставив одного разведчика, который должен был считать потери.

Они шли шумно, не таясь, немцам было теперь не до них, и все смеялись и говорили что-то возбуждённо, и вдруг Серёжа схватил Борьку под мышки, и остальные помогли ему. И Борька полетел вверх, к вершинам елей, освещаемых красными отблесками.

Пулемётную очередь даже никто и не услышал. Дальним молотком протукала она где-то на насыпи, длинная злая пулемётная очередь, и свинцовая злость её, слабея, рассыпалась впустую по лесу. И только одна пуля, нелепая пуля, достигла цели…

Борька взлетел вверх ещё раз, и его опустили, сразу отвернувшись. В снегу, глотая синий воздух, лежал Серёжа, чуть побледневший, без единой царапины.

Он лежал, как здоровая, яркая сосна, упавшая неизвестно отчего; разведчики, растерявшись, склонились над ним.

Борька растолкал их, снял шапку с головы Серёжи. У виска чернело, расплываясь, пятно…

Подбежал, запыхавшись, разведчик, оставленный считать немецкие потери. Подбежал весёлый, нетерпеливый:

— Семьдесят танков, братцы!

Но его никто не услышал. Он молча снял шапку.

— Серёжа… — Борька плакал, как маленький, гладя Серёжу по голове, и шептал, будто упрашивал его проснуться: — Серёжа!.. Серёжа!

* * *

Борька смотрел, как вздрагивают, пригибаясь, тонкие крылья, рассекающие облака, и было и горько и радостно у него на сердце.

Он не хотел лететь в Москву, ни за что не хотел. Но «батя» на прощание сказал:

— Ты всё-таки слетай. Война от тебя не уйдёт, не бойся, а орден получи. Получи его и за себя, и за Серёжу…

* * *

Москва оказалась совсем не такой, какой её Борька раньше видел на картинках. Народ всё больше военный, торопливый. С аэродрома повезли Борьку в гостиницу.

* * *

В Кремле, в зале, Борька сидел и глазел по сторонам.

Наконец все сели, успокоились, и тут Борька увидел. Он даже сам себе не поверил сначала… Да, там, впереди, у стола с маленькими коробочками, стоял Михаил Иванович Калинин…

Он постоял, глядя сквозь очки на людей, добрый, бородатый, совсем как на картинках, и назвал чью-то фамилию.

Борька от волнения фамилию прослушал.

Вызывал Михаил Иванович по фамилии, имени и отчеству, и Борька поэтому не сразу понял, что это про него.

— Цариков Борис Андреевич, — повторил Калинин, — награждается орденом Красного Знамени.

И Борька вскочил и сказал вдруг из зала по-военному: «Я!»

Все засмеялись, и Калинин засмеялся, а Борька, покраснев до макушки, стал пробираться по своему ряду к проходу.

Михаил Иванович протянул Борьке коробочку, пожал руку, как взрослому, и вдруг обнял и поцеловал трижды, по-русски, как целовал Борьку отец, уходя на войну, как целовал его до войны дед…

Борька хотел было идти уже, но Михаил Иванович задержал его за плечо и сказал, обращаясь к залу:

— Поглядите, каков партизан! Вот не зря говорят: мал золотник, да дорог. Взорвал наш Боря эшелон, 70 танков уничтожил!

И Борьке захлопали второй раз и хлопали так долго, пока он, всё такой же, как рак красный, не прошёл сквозь весь зал и не сел на своё место.

И был в жизни Борьки Царикова ещё один день. Тяжёлый и радостный день, когда он вспомнил так быстро забытое детство, тополиную метель в тёплом городе на старой улице.

Это было уже после того, как партизанский отряд «бати» соединился с наступающими войсками и Борька стал ефрейтором, настоящим военным разведчиком. Это было уже после того, как на своём автомате, новеньком ППШ, сделал он острым ножом, оставшимся в наследство от партизанского друга Серёжи, тридцать зарубок — на память о тридцати «языках», которых он взял вместе с товарищами.

Это было в день, когда Борькина часть подошла к Днепру и остановилась напротив местечка Лоева, готовясь к прыжку через реку.

Это было в октябре 1943 года.

Опять была ночь, плескалась вода о прибрежные камни. Возле пояса на тесьме Борька привязал Серёжин нож и ступил в воду, стараясь не шуметь.

Вода обожгла, и, чтоб согреться, он нырнул, и там, под водой, сделал несколько сильных гребков. Он плыл наискосок, не борясь с течением, а используя его, и приметой ему была берёза на том берегу.

Немцы, как всегда, беспорядочно стреляли, и пули шлёпались, будто мелкие камешки, усеивая дно свинцовыми градинами. Ракеты плавили Днепр в синий цвет, и в минуты, когда над рекой выплывала новая ракета, Борька нырял, стараясь подольше задерживать дыхание.

В трусах, с ножом на бечёвке, дрожа от холода, Борька выполз на берег. Невдалеке слышался немецкий говор — немцы были в траншее. Идти дальше — опасно: ночью в темноте запросто можно столкнуться с немцем носом к носу, да и голый человек в темноте заметнее.

Борька оглянулся. Целил он на берёзу и выплыл точно к ней. Мышью шмыгнул он к дереву, влез на него, укрывшись в ветках.

Сидеть тут было опасно. Нет, немецкие трассы шли ниже, но в ответ изредка огрызались и наши, и эти выстрелы могли пройтись и по дереву. Эх, знать бы раньше, можно было предупредить.

Борька замер там, наверху. Место было отличное. По огонькам сигарет, видным сверху, по голосам угадывались траншеи, пути сообщения, окопы, землянки.

Немцы готовились обороняться, и земля вокруг была изрыта траншеями. Громоздились доты, наспех замаскированные.

Борька глядел на землю, раскинувшуюся перед ним, и каждую точку, будто картограф опытный, вносил в уголки своей памяти, чтоб, вернувшись, перенести её на настоящую карту, которую он долго изучал, прежде чем поплыть, и теперь она была перед глазами, будто сфотографированная его памятью.

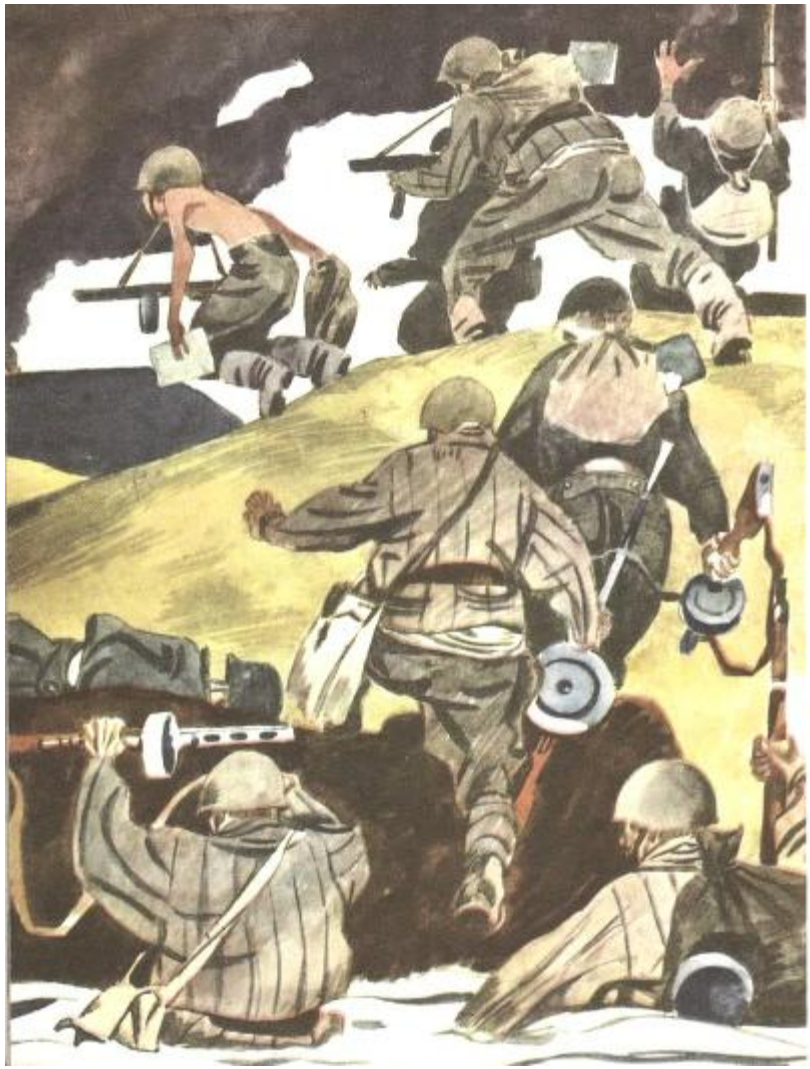
Штурмовать Днепр Борькина часть начала утром, сразу после артподготовки, во время которой удалось уничтожить несколько мощных дотов, обнаруженных разведкой. Остальные потери врага можно было увидеть только там, прямо на поле боя, на той стороне Днепра, куда уже переправились первые отделения.

Борька поплыл туда вместе с комбатом и был при командном пункте, выполняя приказы. Всякий раз приказ был один: переправиться через Днепр — доставить пакет, привезти пакет.

Днепр кипел от взрывов снарядов, от маленьких фонтанчиков пуль и осколков. На Борькиных глазах вдребезги разнесло понтон с ранеными, и люди тонули прямо на глазах, и ничем нельзя им было помочь.

Несколько раз Борька бросался в самое месиво на берегу, искал лодку, чтобы скорее доставить пакет; он знал теперь, что это значит — доставить вовремя пакет, пронести его целым и невредимым сквозь этот шквал, сквозь это кипение, где земля сомкнулась с небом и водой.

Борька искал лодку и, не найдя, раздевался, как утром, и снова плыл, чудом оставаясь в живых. Найдя же лодку, он загружал её ранеными и грёб что было сил…



К концу дня, когда бой стал удаляться и Днепр поутих, Борька, в восьмой раз переправившись через Днепр, шатаясь от усталости, пошёл искать походную кухню. Уже увидев её синий дымок, Борька присел, радуясь, что дошёл, и сидя уснул.

Разведчики искали его тело на берегу Днепра, ходили вдоль течения, обошли плацдарм и уже считали его погибшим, как батальонный повар нашёл Борьку спящим под кустом.

Его не стали будить, а так спящего и перенесли в землянку. А Борька сладко спал, и снился ему родной город. И тополиная метель в июне. И солнечные зайчики, которые пускают девчонки во дворе. И мама. Во сне Борька улыбался. В землянку входили и выходили люди, громко говорили, а Борька ничего не слышал.

А потом у Борьки был день рождения.

Комбат велел, чтоб повар даже пироги сделал. С тушёнкой.

Пироги получились на славу. И ел их Борька, хоть и стеснялся комбата, а пуще того — командира полка, который вдруг в самый разгар именин приехал на своём «виллисе».

Все вокруг пили за Борькино здоровье.

Когда чокнулись, встал командир полка. Колыхнулось пламя коптилки. Притихли остальные.

Командир полка, человек ещё не старый, но седой, сказал Борьке так, будто знал, точно знал, о чём Борька думает.

— Отца бы твоего сюда, Борька, — сказал он. — Да маму. Да деда твоего, кузнеца. Да всех твоих боевых друзей, живых и мёртвых… Эх, хорошо бы было!

Командир полка вздохнул. Борька смотрел на огонь задумавшись.

— Ну, чего нет, того нет, — сказал командир полка. — Убитых не оживишь… Но за убитых мстить будем. И вот всем нам, — он оглядел бойцов, ездовых, повара, — и вот всем нам, взрослым людям, нужно учиться у этого мальчика, как надо мстить.

Он потянулся через стол к Борьке, чокнулся с ним кружкой, обнял Борьку, прижал к себе:

— Ну, Борька, слушай! Ты теперь у нас герой. Герой Советского Союза.

Все повскакали с мест, даже комбат, все загалдели, выпили свой спирт, заобнимали Борьку.

А он всё думал о том, что командир полка сказал. Об отце, о солдате с чёрным от копоти лицом, о маме и брате Толике, и о Надюшке и её маме, и об Ивановне, о деде, об «отце», о Серёже, о всех людях, которых он знал, которых любил…

Слёзы поплыли у него из глаз.

И все подумали, что плачет Борька от радости.

Через две недели, 13 ноября 1943 года, немецкий снайпер поймал на перекрёстке своего оптического прицела русского солдата.

Пуля достигла цели, и на дно окопа упал маленького роста солдат. А рядом упала пилотка, обнажив русые волосы.

Боря Цариков…

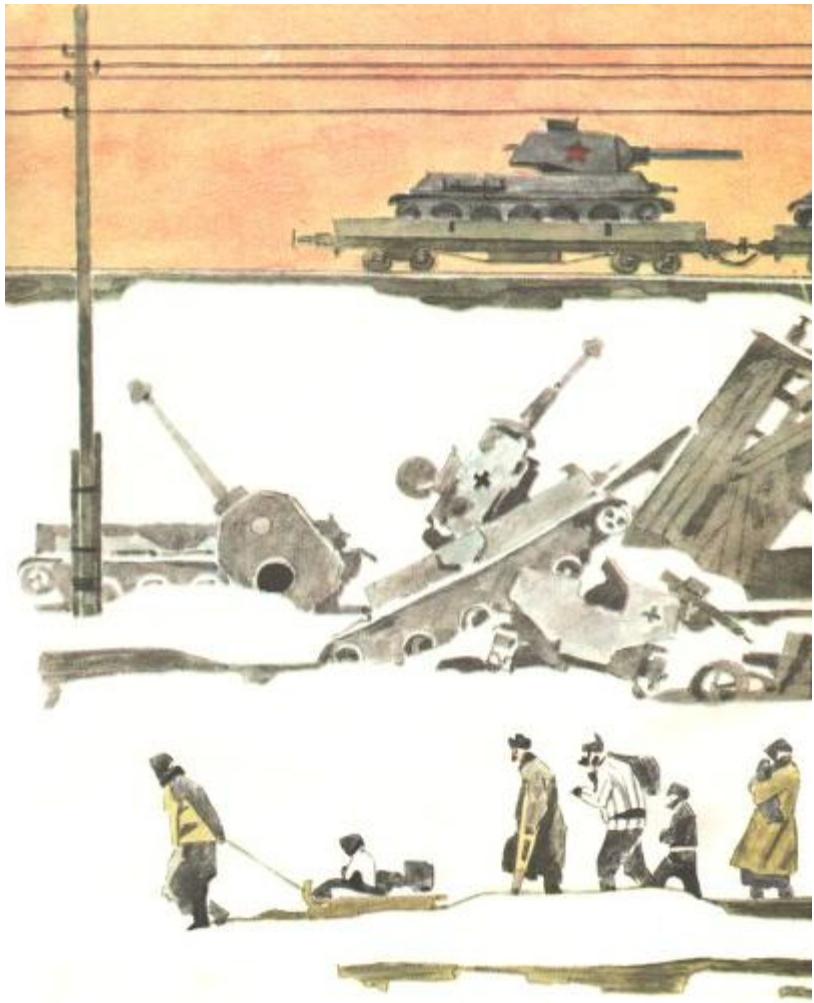
Он умер сразу, не страдая, не мучаясь. Пуля попала в сердце.

Весть о Бориной смерти мигом облетела батальон, и из наших траншей, неожиданно не только для немцев, но и для нашего командира, вдруг рванулась стена огня. Стреляли все огневые средства батальона. Яростно тряслись, поливая немцев, пулемёты и автоматы. Ухали миномёты. Трещали карабины.

Видя ярость людей, комбат первым выскочил из окопа, и батальон пошёл вперёд — мстить за маленького солдата, за Борю

Царикова.

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Бори Царикова.



25 к.

Для младшего школьного возраста

Лиханов Альберт Анатольевич

БОРЯ ЦАРЬКОВ

Художественно-документальный рассказ

Художник В. Юдин

Редактор О. Добыкина. Художественный редактор О. Кондрашкова
Технический редактор Е. Голубкова. Корректор С. Ершакевич

Подписано к печати 27.07.78. 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Печать офсет. Гарн. «Школьная».
Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,75. Тираж 300 000 экз. Изд. № 679. Заказ № 711. Цена 25 коп.

Издательство «Малыш». Москва, 103735, Печатный пер., 6.

Ярославский комбинат детских книг Российского республиканского объединения по производству и сбыту полиграфической продукции Министерства печати и массовой информации РСФСР. Ярославль, 150049, ул. Кирова, 26.

© изд. Издательство «Малыш» 1978